

Б.КЪЯРИ

УСТНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Кьяри Берхард — аспирант исторического факультета Франкфуртского университета Германии.

Вторая мировая война как нельзя лучше показала, что порождаемый ею хаос и оккупацию невозможно описать только посредством военно-исторических доктрин. Масштабы этого хаоса, а также взаимосвязь и взаимозависимость его проявлений были почти диаметрально противоположны классической задаче военной истории, а именно анализу на конкретных примерах военно-исторических процессов и созданию на этой основе сугубо военных образцов, предназначавшихся для подражания последующим поколениям.

В ФРГ имелись хорошие предпосылки для расширения военно-социологических исследований, благодаря которым был достигнут новый уровень в осмыслении Второй мировой войны. Ведущая роль принадлежала Управлению военно-исторических исследований (*das Militargeschichtliche Forschungsamt*) во Фрайбурге — научному учреждению, призванному заниматься историческими изысканиями под эгидой министерства обороны. Первым руководителем управления был Ханс Майер Велькер, поставивший цель вывести военную историю из состояния научной и общественной изоляции, в которой она находилась [1]. В отличие от традиций национал-социалистской "истории армии" /*Wehrgeschichte*/ упомянутое управление считало военную историю в ее "классическом" понимании, равно как создание "военно-исторических образцов" для обучения офицерского состава и проведения занятий в воинских частях, лишь одной из многих своих задач [2]. Так сложилось уникальное, получившее международное признание объединение военных и гражданских специалистов, во главе которого стояли историки Андреас Хильгрубер, Манфред Мессершмидт и Вильгельм Дайст [3]. Примечательная особенность деятельности формировавшегося коллектива заключалась в широчайшем спектре мнений. Наряду с работами, где еще обосновывалось идеологическое тяготение командования вооруженных сил к национал-социализму, появились статьи, в которых впервые были подвергнуты сомнению представления о "незапятнанности вермахта" [4].

Историки из Фрайбурга выступили на общественных дискуссиях с тезисами, далекими от каких бы то ни было догм, что свидетельствовало о плюралистском характере исследований, проводившихся в их научном учреждении. Будучи руководителем исторических изысканий, Манфред Мессершмидт занял однозначную позицию в жарком споре по поводу отношения к традициям бундесвера и отмежевания вооруженных сил ФРГ от наследия национал-социализма. Самосознание западногерманской армии послевоенного

периода должно было формироваться на основе "освобождения от груза традиций" в сочетании с такими исходными предпосылками и критериями, как способность к осмыслению социально-политической реальности и ощущение собственной ответственности, воспринимаемыми как исторические ценности. Мессершмидт привлек к себе внимание тем, что назвал эти доблести, о которых подобно заклинанию твердили создатели теории "освобождения от груза традиций", никогда не существовавшими в германских вооруженных силах [5].

Управлению военно-исторических исследований принадлежала главенствующая роль в изучении Второй мировой войны и немецкого общества военного времени. Уже в 70-е годы началась реализация гигантского проекта — подготовка десятитомного труда, посвященного истории Второй мировой войны [6]. В этом издании под названием "Германская империя и Вторая мировая война" не только с небывалой донныне детальностью освещались события, происходившие на полях сражений. Не меньше внимания авторы уделили социально-политическим, идеологическим и экономическим аспектам войны, опираясь на обширные материалы федерального военного архива во Фрайбурге.

К пятидесятой годовщине нападения Германии на Советский Союз стало очевидно, что военную историю нельзя отождествлять с историей боевых действий. Герд Р.Юбершер и Вольфрам Ветте выдвинули концепцию операции "Барбаросса", в которой наряду с такими аспектами, как пропаганда и социальные предпосылки нападения на СССР, получила освещение и проблема отношения к советским военнопленным [7]. В том же году был опубликован содержащий около 40 статей сборник "Два пути в Москву", изданный Берндтом Вагнером по поручению Управления военно-исторических исследований [8]. В пяти тематических разделах сборника был впервые развернут весь спектр научных подходов к изучению Второй мировой войны. В очерках Беттины Бирн, Ханса Иоахима Шредера и Омера Бартова, посвященных реальным обстоятельствам "борьбы с бандитизмом" на восточных территориях, вопросу о субъективном восприятии войны немецкими солдатами, а также проблеме усиления "варварского характера" ведения войны, были намечены важные тенденции дальнейшего развития социологической проблематики и методики. Во всех случаях источниками являлись документы, хранящиеся в Германии. Упомянутые статьи положили начало изменению направления исследований и обращению к повседневному опыту службы в вермахте и существованию на оккупированных территориях [9].

В 1992 году вышли в свет два сборника, призванные воплотить программное требование: анализировать военную тематику "на уровне повседневности" [10]. Вольфрам Ветте настаивал на том, чтобы не ограничиваться рассмотрением основных вопросов "классической" военной проблематики, а именно: о войне, обществе и политике, об истории военных организаций и учреждений, боевых операций и военной техники, а также о роли военного командования. Ветте имел возможность сослаться на первые успешные попытки исследований. Уже в 80-е годы рабочая группа управления проанализировала субъективное восприятие реалий военного

времени и наблюдавшееся у немецких солдат "чувство усталости от войны", сделав тем самым шаг вперед по сравнению с социально-историческими изысканиями, посвященными "неизвестному солдату" и исчерпавшими себя в установке памятников [11].

Темой второго сборника были впечатления и переживания тех 99,7% немецких военнослужащих, которые не принадлежали к военной элите.¹ Изучение самых разных источников позволило описать как настроения немецких солдат накануне операции "Барбаросса", так и субъективное восприятие войны теми, кто участвовал в боях под Сталинградом. Свидетельства очевидцев служили при этом только исходным материалом. Статьи большинства авторов являли собой нечто, превосходившее по значению простой пересказ курьезных случаев — при том, что подобные случаи образовывали порой целые антологии [13]. Детлефу Фогелю удалось убедительно воссоздать повседневную жизнь на основе анализа писем, отправленных немецкой полевой почтой. Питер Джон Дайнз и Петер Кнох отобразили психологическое состояние пилотов бомбардировщиков ("Бомбить и выжить") и их попытки преодолеть угрызения совести. Манфред Мессершмидт обратился к протоколам судебных процессов, на которых рассматривались дела уставших от войны солдат, обвиненных в том, что они оказывают "разлагающее влияние". С помощью "устной истории" Ханс Иоахим Шредер реконструировал ситуации, когда в последние месяцы войны по приговору военно-полевого суда были казнены десятки тысяч дезертиров и гражданских лиц, "разлагающих" армию. Повседневной жизни заключенных в лагерях для советских военнопленных посвятил свое исследование Альбрехт Леманн [14]. Аналогичный характер носили и публикации в первом сборнике, темой которого стала битва под Сталинградом. В этом сборнике благодаря подходу к истории через повседневность удалось представить поражение вермахта в реальном свете, освободив этот факт от мифологизации.

Одним из спорных вопросов, разрабатывавшихся в новейших исследованиях, было участие вермахта в нацистской политике истребления. Эта проблема только в последние годы служит предметом интенсивной дискуссии [15]. Еще недавно в числе работ, появившихся в связи с пятидесятилетием нападения на Советский Союз, увидела свет написанная ранее статья Андреаса Хилльгрубера, который в общем и целом сводил осуществлявшееся в рамках военной кампании уничтожение евреев к расистским идеологическим установкам нацистского руководства, с одной стороны, и к претворению этих установок в жизнь силами "специальных отрядов" — с другой. Командование вермахта было осведомлено о продиктованных идеологией расизма целях войны и, как в случае с Манштейном, несомненно, сочувствовало им. Тем не менее Хилльгрубер ограничил прямое участие армии в проводимых немцами акциях по уничтожению лишь такими "организационно-подготовительными работами", как прикрепление

¹ Имеется в виду генералитет вермахта. Примером другой, прямо противоположной точки зрения может служить психологический портрет, созданный Кристианом Шнайдером [12].

опознавательных знаков на одежду лиц еврейской национальности [16].

Между тем стало очевидно, что нельзя исследовать эту тему только на основе анализа актов судебного процесса против верховного командования вермахта.² Именно потому, что "тот самый" вермахт, вследствие многообразия составляющих его и взаимосвязанных между собой структур, а также неоднородности воззрений даже в офицерской среде "противится" попыткам историков формулировать широкое обобщение и выдвигать глобальные обвинения, тезисы о роли армии в национал-социалистской системе вызвали глубокий интерес общественности: будучи одной из опор нацистского режима, германский вермахт в 30-е годы способствовал реализации военнополитических планов Гитлера. Вооруженные силы в равной степени участвовали как в базировавшейся на идеологии расизма войне на уничтожение славянского населения Польши и СССР, так и в геноциде против евреев и цыган. Вермахт несет ответственность за гибель около трех миллионов советских военнопленных; и именно он продолжал (несмотря на попытку антигитлеровского выступления 20 июля 1944 года) "тотальную войну" до полного разрушения Германии.³ Такие исследования, как статья Ханнеса Хеера, касающаяся роли вермахта на оккупированных восточных землях, представлялись бы нежелательными, да, пожалуй, и вовсе не могли бы увидеть свет, окажись они написаны до того, как завершилась "холодная война" и были открыты советские архивы [19].

Хеер не был единственным, отправившимся в "плавание к новым берегам". Омер Бартов, исходя из социально-направленных концепций англо-американской историографии, также требовал полного обновления немецкой военной истории [20], упрекая ее в неспособности освободиться от устаревших стереотипов мышления.

Тем сильнее обнадеживает тот общественный резонанс, который вызывает военная история и военная социология. Управление военно-исторических исследований приняло участие в реализации нескольких интереснейших проектов, находящихся на стыке профессиональной историографии, публицистики и социологии. Это касается, например, телевизионной версии исследования, осуществленного Паулем Колем. Идя по следам группы армий "Центр", Коля провел среди оставшихся в живых гражданских лиц опрос, темой которого были их переживания и впечатления военного времени [21]. Примечательно, что книга Коля, ставшая вехой на пути развития немецкой "устной истории", в течение долгих лет не находила издателя в Германии. Наконец она вышла в свет с предисловием Вольфрама Ветте, высказавшим сожаление по поводу того, что в Германии публикуется недостаточно работ, посвященных "повседневной" и "устной" истории. Сотрудники управления впоследствии выступили в качестве консультантов на съемках фильма по мотивам этой книги. Работа Коля показывает, какие возможности открывает

² Недавно это пытался сделать Порг Фридрих в своем обширном исследовании [17].

³ Основные аргументы были высказаны в ходе дискуссии, в которой точку зрения историков представляли Х.Хеер и В.Ветте [18].

сотрудничество "серьезной" исторической науки с теми исследователями, которые претендуют на то, чтобы рассматривать историю "снизу" и при этом не бояться использовать социологические методы. Кроме того, именно в последние годы существования Советского Союза стало очевидно, как много способны сделать не только историки, но и социологи, а также представители средств массовой информации для осуществления социальных преобразований [22]. С другой стороны, трудности, возникшие в связи с опубликованием книги Коля, служат подтверждением тому, что многие немецкие военные историки не сразу осознали, какие возможности заключает в себе происходящее расширение методологической основы исследований. Тем не менее — или, может быть, именно поэтому — научно-популярные проекты, такие, как экранизация "повседневной истории", в большей степени способствовали избавлению немецкой общественности от стереотипов, нежели многие исторические труды.⁴ То же касается популярных книг, которые содержат иллюстрации, не публиковавшиеся документы и воспоминания, — книг, нередко считавшихся только "побочным продуктом" телесериалов и документальных фильмов [23].

Самостоятельным направлением в рамках "устной истории" Второй мировой войны является изучение политики национал-социалистов в оккупированных областях и реакции на нее местного населения. Особое внимание уделяется истории сопротивления и коллаборационизма. В современной германской научной литературе эти проблемы активно обсуждаются на материале стран Восточной Европы, в частности Польши, Белоруссии, Украины. Период происходившей после 1945 года "советизации" Восточной Польши в течение долгого времени изучался лишь в самых общих чертах, то есть с точки зрения военных операций, становления советского экономического и политического устройства, коллективизации и кадровых перемещений [24]. Воспоминания очевидцев позволяли осветить субъективное восприятие оккупации и "советизации" [25]. Тем не менее реальное воздействие этих процессов на самосознание и социально-политическое сознание населения пока не исследовано.

Хорошо известный в Польше факт сотрудничества вермахта с бригадами Армии Крайовой при проведении боевых операций против советских партизанских отрядов в Германии до сих пор вызывает недоверие. Как в этом, так и в других подобных случаях исследователь сталкивается с необходимостью реконструировать событийную сторону исторического процесса. Германские документы, хранящиеся в Особом архиве в Москве, свидетельствуют, что в белорусско-литовских пограничных областях немецкая сторона вела переговоры и сотрудничала с командирами Армии Крайовой, которые отнюдь не были к этому уполномочены своим

⁴ Из работ последних лет следует назвать, к сожалению, почти неизвестный документальный фильм "Еврейка и капитан" ("Die Judin und Hauptmann", сценарий и режиссура Ульфа фон Мехова, 1994), в котором повествуется о судьбах конкретных людей в оккупированном Минске, или — как пример противоположной точки зрения — имеющий большой успех немецкий кинофильм "Сталинград" (Stalingrad, режиссер Йозеф Вильсмайер, 1992).

правительством, пребывавшем в лондонской эмиграции. Таким образом, Армия Крайова не всегда была подконтрольна своему руководству. Перед лицом военных успехов Советского Союза действовавшие на местах "полководцы" зимой 1943-1944 г.г. пошли на то, чтобы, как патетически выразились руководители немецкой договаривающейся стороны, заключить так называемый "бурговый мир" с вермахтом и СС. Судя по документам, позиция немецкой стороны также определялась исключительно военными трудностями. Например, начальник полиции безопасности Литвы высказался по этому поводу следующим образом: "Ввиду того обстоятельства... что белопольские банды в настоящее время представляют собой единственную силу, способную подавить большевистско-еврейские банды, я решил в ответ на обращение со стороны предводителей этих банд вступить с ними в сношения. Переговоры ведутся на следующих основаниях: 1) никакого признания законности деятельности белопольских банд и, далее, никаких политических уступок (регион Вильно); 2) совершенно одностороннее обязательство белопольских банд вести борьбу против большевистско-еврейских банд в обмен на некоторые уступки" [26].

Одна только эта небольшая выдержка из источника позволяет судить о неоднозначном характере событий общественной жизни во время войны. Белорусская историография, используя методы, пригодные для изучения боевых действий, не способна адекватно отобразить эту неоднозначность. Уже сами понятия "народ" и "государство" применительно к военному времени означают упрощение комплекса взаимосвязей. Социальная структура в восточных областях Белоруссии была иной, нежели в западных; в 1939-1941 г.г. она была иной, чем в период с начала войны до лета 1944 г. Конкретные проявления этногеографических изменений, обусловленных проводившейся в СССР в 1939-1941 г.г. политикой депортаций, последствий террора, осуществляемого нацистским режимом, а также процесса насильственной политической интеграции этого региона после 1944 года пока не изучены.

В сообщениях, отразивших опыт деятельности немецких гражданских властей, "генеральный комиссариат Белой Рутении" предстает как полиэтническая территория со значительными региональными отличиями [27].

Назначавшимся на работу в "генеральный комиссариат" немцам, хорошо знавшим этот регион, нацистская пропаганда внушила, что они попадают в "белорусское государство". В действительности оккупационные власти с самого начала войны лавировали между различными группами населения. Особенно типичными были поступающие из западных областей Белоруссии сообщения, в которых снова и снова выдвигалось требование заменить польских бургомистров и шефов полиции, а также установить над ними контроль с тем, чтобы устранить "односторонний подход и противоправные эксперименты" в отношении белорусского национального большинства [28]. Взаимное доносительство и попытки захвата власти парализовали работу немецкого аппарата подавления. Так, начальник службы обеспечения общественного порядка города Гродно докладывал о постоянной напряженности в отношениях между польской, литовской и белорусской группами населения:

"Некоторая часть этих (польских. — Б.К.) "панов", которые теперь по собственному произволу занимают руководящие должности в общинах и в наше время продолжают осуществлять все те же эксперименты, всегда и везде проводят свою, пропольскую политику, дискриминируют белорусов во всех отношениях, искажают действительное положение населения... По моему мнению, пока поляки будут самоуправно и анархистски руководить общинами, мы не можем ожидать установления порядка в отношениях между группами (населения)" [29]. О немцах, находившихся на службе в оккупированных областях, нам также почти ничего не известно [30].

Наряду с вопросом, как на индивидуальном уровне, вопреки реальному положению дел могло происходить внутреннее переосмысление стереотипов национал-социалистской пропаганды в умах сотрудников "имперских комиссариатов", необходимо исследовать и личные побудительные мотивы, которым следовали те, кто записывался на службу в "восточные области". Белорусской историографии также не удастся, говоря о представителях национал-социалистского режима, в течение долгого времени обходиться лишь общими обозначениями типа "фашисты" или "гитлеровцы".

Первым ориентиром для изысканий в области истории Белоруссии периода оккупации мог бы служить сравнительный анализ оккупационного режима. История оккупации долго оставалась лишь частью истории национальных государств, что исключало возможность сравнительных исследований. Однако в середине 80-х годов вышла в свет открывающая новые перспективы работа Чеслава Мадайчика, в которой получил освещение широкий спектр различных форм и проявлений нацистской оккупации Европы [31]. Заслуга Мадайчика состояла также в том, что он лишил понятие "коллорабационизм" эмоциональной окраски и сделал его доступным для обсуждения. Мадайчик показал те трудности, которые возникают уже при попытке определить понятие "коллорабационизм", описывая его проявления по отношению к различным общественным структурам в Европе. Кроме того, он обратил внимание на многообразие мотивов, побуждавших к сотрудничеству с немецкими оккупационными властями. Наряду с различными вариантами индивидуального приспособленчества спектр мотиваций простирается от политических амбиций, выражающихся в стремлении к национальному самоопределению, вере в объединение Европы или в становление "великогерманской империи", в антикоммунизме и антисемитизме, до утопических надежд (например, у некоторых бельгийских социалистов) ликвидировать капиталистическую систему с помощью национал-социализма [32]. Даже сегодня мы почти не знаем истинных побудительных мотивов, которыми руководствовались такие белорусские коллаборационисты, как, например, И.Ермаченко и Л.Станкевич, или президент "центрального совета Белой Рутении (ЦБР) Р.Астроуский и его заместители М.Шкяленак и Ю.Сабалеуский. Правда, новейшая белорусская историография упоминает о факте коллаборационизма, но ограничивается при этом исключительно описанием различных органов местного

самоуправления [33]. По прошествии десятилетий с момента окончания войны очевидно, что ни один коллаборационист не имел шансов на равноправное сотрудничество с гитлеровским режимом. Тем не менее в будущем историки окажутся вынуждены считаться с тем обстоятельством, что люди, проживавшие на оккупированных территориях, предавались мечтам о таком послевоенном устройстве общества, которое было бы основано на равноправии. Подчас они мечтали об этом даже в преддверии очевидной военной катастрофы "третьего рейха". Этот факт имеет отношение не только к тем немногим националистам, которые занимали политические должности в аппарате управления государства-сателлита Германии, но и к прочим жителям Белоруссии. Что касается оккупированных территорий Советского Союза, то коллаборационизм, понимаемый как совокупность индивидуальных стратегий выживания в обществе, находящемся под чужеземным господством, не должен больше оставаться "периферийной зоной", лежащей между организованным движением Сопротивления, с одной стороны, и политическими концепциями оккупантов — с другой [34]. Сотрудничество с господствующим режимом — а именно такое, свободное от оценок значение имело слово "коллаборационизм" перед Второй мировой войной, — первоначально не отождествлялось с переходом на сторону национал-социализма. Коллаборационизм представлял собой прежде всего ответную реакцию тех, кто жил в условиях оккупации.

Следовало бы также заново изучить и такой социологический вопрос в военной истории: насколько способно было гражданское население оказать сопротивление оккупантам. Дело в том, что повсюду в Европе Сопротивление как попытка общества уйти от подчинения национал-социалистскому режиму включало в себя, наряду с мероприятиями военного характера, не только коллективное неприятие нового политического устройства, но и главным образом деятельность гражданских органов управления, вполне способных нормально функционировать. Правда, даже во Франции, Бельгии, Дании эти органы в период Второй мировой войны были лишены возможности считать своей непосредственной целью изгнание оккупационных властей: гражданское Сопротивление часто разворачивалось только после того, как оказывалась разбита действующая армия. Тем не менее лейтмотивом как спонтанно возникавших, так и планировавшихся выступлений было стремление сохранить коллективную самобытность, защитив ее от посягательств оккупационного режима. Сопротивление было исполнено символики. Стремясь закрепить в умах людей представление о легитимности и нерушимости традиций и социальных связей, оно прибегало к различным знакам и образам. Пример Дании показывает, насколько эффективно это могло происходить. Общество, находившееся в условиях оккупации, с успехом уклонялось даже от выполнения категорических приказов, направленных на уничтожение евреев. Благодаря взаимодействию различных общественных групп и организаций, которое осуществлялось на основе общегражданского согласия, в августе 1943 года удалось спасти от ареста почти всех из 7500 проживавших в Дании евреев и на глазах немецких властей переправить их морским

путем в Швецию [35].

Сохранить определенную внутреннюю автономию удавалось и в других случаях. Даже в Польше, где, в отличие от Хорватии, Словакии, Болгарии и (если иметь в виду генерала Недгеча) Сербии, общество отказывалось терпеть фашистские и профашистские группировки, способные стать потенциальной опорой немецкой оккупационной политики, важные социальные механизмы не нарушились [36]. Деятельность польских подпольщиков обеспечивала национальную и культурную самобытность в такой ситуации, когда расистская идеология национал-социализма, в отличие от западной зоны оккупации, вообще отказывалась этому чувству самобытности в каком бы то ни было праве на существование [37]. Несмотря на то, что страна была превращена в лабораторию для проведения "политики очищения жизненного пространства", где стирались национальные особенности и осуществлялось подавление (вплоть до физического истребления) представителей культурной и политической элиты [38], польскому обществу удалось сохранить свой самобытный характер и остаться "обществом, пребывающим в состоянии обороны" [39]. В отношении Белоруссии до настоящего времени, по-видимому, можно утверждать лишь то, что в 1941 году, после вступления сил вермахта, как советская сторона, так и польские националисты на некоторое время оказались лишены руководства, и нацистские агрессоры обнаружили здесь политический вакуум, позволявший развивать политическую ситуацию в различных направлениях.

Разрабатывавшаяся национал-социалистской пропагандой теория существования "белорусской нации", призванной наряду с Германией занять свое место в "борьбе против большевизма", не оставляла ни малейших гарантий. Иррациональная и часто непоправимая переоценка как собственных возможностей, так и степени предсказуемости действий национал-социалистской администрации побуждала многих вступать в смертельную игру. Вера в способность выжить в условиях хаотической системы сделала возможным функционирование аппарата. Немецкая администрация без зазрения совести использовала как каждого отдельного человека, так и профессиональные группировки, политические объединения, этносы и национальные идеи и сталкивала их друг с другом.

Таким образом, несмотря на критику, которой подвергаются нередко представляющиеся нетрадиционными методы, используемые при реализации таких новых замыслов, как "повседневная" или "устная история", исследователям не следует игнорировать открывающиеся при этом возможности. Серьезное изучение Второй мировой войны предполагает, что необходимо не только анализировать историю и вспоминать прошлое, но и обращать взгляд к другим дисциплинам, например, к военной социологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Dienst W. Die Militargeschichte gerat emeut in den Griff der Armee // Frankfurter Rundschau. 1994. N 118. 24 Mai. S. 12.
2. Zielsetzung und Methode der Militargeschichte // Militargeschichte: Probleme-Thesen-Wege. Hrsg. von Messerschmidt M. et al. Stuttgart, 1982. S. 58.

3. DieZeit. 1944. N 19. 6 Mai. S. 52.
4. Messerschmidt M. Die Wehrmacht im NS-Staat: Zeit der Indoktrination. Hamburg, 1969 (серия Тнеppe und Verwaltung. Bd. 16); Miiller K.J. Das Heer und Hitler. Armee und Nationalsozialistisches Regime 1933-1940.,Stuttgart, 1969 (Beitrage zur Militar- und Krieggeschichte. Bd. 10; 2-1 издание: Stuttgart 1988; Abenheim D. Bundeswehr und Tradition: Die Suche nach dem gultigen Erbe des deutschen Soldaten. Miinchen, 1989 (серия Beitrage zur Militargeschichte. Bd. 27) S. 167-168. S. 203.
5. Messerschmidt M. Kein gultiges Erbe // Siiddeutsche Zeitung. 1981. 21-22 Januar.
6. Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Hrsg. vom Militargeschichtlichen Forschungsamt. Bd.I: Ursachen und Voraussetzungen der Deutschen Kriegspolitik. Stuttgart, 1979; Bd. II: Die Errichtung der Hegemonie auf dem deutschen Kontinent. Stuttgart, 1979; Bd. III:Der Mittelmeerraum und Sudeuropa: Von der "non belligeranza" Italiens bis zum Kriegseintritt der Vereinigten Staaten. Stuttgart, 1981; Bd. IV: Der Angriff auf die Sowjetunion. Stuttgart, 1981; Bd. V, Teil I: Organisation und Mobilisierung des deutschen Machtbereiches: Kriegsverwaltung, Wirtschaft und personelle Ressourcen 1939-1941. Stuttgart, 1981; Bd. VI: Der Globale Krieg: Die Ausweitung und der Wechsel der Initiative 1941- 1943. Stuttgart, 1990.
7. Der deutsche Uberfall auf die Sowjetunion: "Unternehmen Barbarossa" 1941. Hrsg. von Veberschar G.R., Wette W. Frankfurt am Main, 1991.
8. Zwei Wege nach Moskau: Vom Hitler-Stalin-Pakt zum: "Unternehmen Barbarossa" Hrsg. von B.Wegner. Munchen, 1991.
9. Birn B. Zweierlei Wirklichkeit? Fallbeispile zur Partisanenbekampfung im Osten // Zwei Wege nach Moskau: Vom Hitler-Stalin- Pakt zum : "Unternehmen Barbarossa" Hrsg. von B.Wegner. Munchen, 1991.S. 275-290; Schroder H.J. Erfahrungen deutscher Mannschaftssoldaten wahrend der ersten Phase des Rupiaandkrieges // Ibidem. S. 309-325; Bartov O. Von unten betrachtet: Uberleben, Zusammenhalt und Brietalatat an der Ostfront // Ibidem. S. 326-344.
10. Stalingrad: Mythos und Wirklichkeit einer Schlacht. Hrsg. von Wette W., Veberschar G. Frankfurt am Main, 1992.
11. Wette W. Militargeschichte von unten // Der Krieg des kleinen Mannes: Eine Militargeschichte von unten. Hrsg. von Wette W. Munchen: Zurich, 1992. S. 89-90, S. 11, 13; Miiller R.-D., Veberschar G.R., Wette W. Wer zuruickweicht wird erschossen! Kriegsalltag und Kriegsende in Siiddeutschland 1944-1945. Freiburg. 1985.
12. Schneider Ch. Denkmal Manstein: Psychogramm eines Befehlshabers //Mittelweg. 1994. Jg. 36. H. 5.S. 23-36.
13. Keegan J. Das Antlitz des Krieges: Die Schlachten von Azincourt 1415, Waterloo 1815 und an der Somme 1916. Frankfurt am Main, 1991. S. 34.
14. Vogel D. Der Kriegsalltag im Spigel von Feldpostbriefen (1939-1945) // Der Krieg des kleinen Mannes: Eine Militargeschichte von unten. Hrsg. von Wette W. Munchen: Ziirich, 1992; Dienes P.J., Knjch P. Erfahrungen im Bombenkrig // Ibidem; Messerschmidt M. Der "Zersetzer" und sein Denurziant: Urteile des Zentralgerichts des Heeres-Aussenstelle Wien — 1944 // Ibidem; Schroder H.J. "Ich hange hier, weil ich geturmt bin":

- Terror und Verfall im deutschen Militär bei Kriegsende 1945 // Ibidem; Lehmann A. In sowjetischer Kriegsgefangenschaft // Ibidem.
15. The Final Solution: Origins and Implementation / Ed. by D.Cesarani New York, 1994.
 16. Hillgruber A. Der Ostkrieg und die Judenvernichtung // Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion: "Unternehmen Barbarossa" 1941. Hrsg. von Verberschar G.R., Wette W. Frankfurt am Main, 1991. S. 185-206, S. 192, 196.
 17. Fridrich J. Das Gesetz des Krieges: Das deutsche Heer in Rußland 1941-1945. Der Prozess gegen das Oberkommando der Wehrmacht: München, 1993.
 18. Heer H, Wette W. "Wir hatten geglaubt, wir konnten anständig bleiben" // Die Zeit. 1995. N 10. 03.03. S. 14-20.
 19. Heer H. Killing Fields: Die Wehrmacht und der Holocaust // Mittelweg. 1994. Jg. 36. H.3. S. 7-29; Die Zeit. 1994. N 28. 08.07. S. 14.
 20. Bartov O. Wem gehört die Geschichte? Wehrmacht und Geschichtswissenschaft // Mittelweg. 1994. Jg. 36. H.5. S. 5-22, 22.
 21. Kohl P. "Ich wundere mich, daß ich noch lebe": sowjetische Augenzeugen berichten. Gutersloh, 1990.
 22. Demies R.W. Perestroika und Geschichte. Die Wende in der sowjetischen Historiographie. München, 1991.
 23. Leetz A. Blockade: Leningrad 1941-1944. Dokumente und Essays von Russen und Deutschen. Reinbeck, 1992. В сериях "Проклятая война" и "Сталинград: решающее сражение" вышли в свет следующие иллюстрированные издания: Кноор G. Der Verdammte Krieg. München, 1991; Idem. Entscheidung Stalingrad. München, 1992; Karpov W. Der Krieg in Rußland 1941 bis 1945. München, 1991.
 24. Simon G. Instrumente der Sowjetisierung in den annektierten westlichen Gebieten der Sowjetunion 1939-1950 // Sowjetisches Modell und nationale Prägung. Kontinuität und Wandel in Ostmitteleuropa nach dem Zweiten Weltkrieg. Hrsg. von Lemberg. H. Marburg / Lahn, 1991. S. 13-20.
 25. Gross J. Und Wehe, du hoffst... Die Sowjetisierung Ostpolens nach dem Hitler-Stalin-Pakt 1939-1941. Freiburg, 1988; War through Children's Eyes: The Soviet Occupation of Poland and the Deportations, 1939-1948; Hrsg. Grudinska-Gross J., Gross J.T. Stanford /Cal., 1985; Sword K. Deportation and Exile. Poles in the Soviet Union, 1939-1948. London, 1994.
 26. Телеграфные донесения начальника полиции безопасности и службы безопасности Литвы, оберфюрера СС и полковника полиции доктора Фукса, направленное в главное управление имперской безопасности в Берлине 07.02.1944 (ЦХИДК — Особый архив. Фонд 504, опись 1, дело 14, л. 6).
 27. Сообщения об эвакуации и итоговые донесения немецких областных комиссаров, хранящиеся в Федеральном архиве в Кобленце (сер. 93/13 и 14).
 28. ЦХИДК — Особый архив. Фонд 1323, опись 2, дело 250, л. 45-49.
 29. Начальник службы обеспечения общественного порядка — областному комиссару Гродно. Донесение от 24.09.1941 (ЦХИДК — Особый архив. Фонд 1323, опись 2, дело 250, л. 20-23).
 30. Донесение командира женского отряда Г.К. из Франкфур-

та-на-Майне, относящееся к сентябрю-октябрю 1943 г. (ЦХИДК — Особый архив. Фонд 519. опись 4, дело 54, л. 16-21).

31. Madajczyk C. Faszyzm i okupacje 1938-1945. Wykonywanie okupacji przez panstwa Osi w Europie. 2 Bde. Poznan, 1983-1984; Europa unterm Hakenkreuz. Die Okkupation und Collaboration (1938-1945): Beitrage zu Konzepten und Praxis der Kollaboration in der deutschen Okkupationspolitik. Hrsg. von Rohr W. Berlin, 1994. S. 17-32.
32. Madajczyk C. Zwischen neutralen Zusammenarbeit der Bevolkerung okkupierten Gebiete und Kollaboration mit den Deutschen // Okkupation und Kollaboration (1938-1945): Beitrage zu Konzepten und Praxis der Kollaboration in der deutschen Okkupationspolitik. Hrsg. von Rohr W. Berlin, 1994. S. 45-58.
33. Нарысы гісторыі Беларусі Т. 2. Минск, 1995. С. 299-303.
34. Rohr W. Okkupation und Kollaboration // Okkupation und Kollaboration (1938-1945): Beitrage zu Konzepten und Praxis der Kollaboration in der deutschen Okkupationspolitik. Hrsg. von Rohr W. Berlin, 1994. S. 59-86.
35. Semelin J. Unarmed against Hitler: Civilian Resistance in Europe, 1939-1943. Westport/ Conn., 1993. S. 293, 151-154.
36. Der nationalsozialistische Krieg. Hrsg. von Frei N., Kling H. Frankfurt am Main; New York, 1990. S. 220-225.
37. Szarota T. Polen under deutschen Besatzung, 1939-1941: Vergleichende Betrachtungen // Zwei Wege nach Moskau: Vom Hitler-Stalin- Pakt zum: "Unternemen Barbarossa" Hrsg. von B.Wegner. Miinchen, 1991. S. 40-56.
38. Klessmann Ch. Das Beispiel Polen // Der nationalsozialistische Krieg. Hrsg. von Frei N., Kling H. Frankfurt am Main; New York, 1990. S.181-188.
39. Hahn H.H. Die Gesellschaft im Verteidigungszustand: Zur Genese eines Grundmusters der politischen Mentahtat in Polen // Gesellschaft und Staat in Polen. Hrsg. von Hahn H.H., Muller M.G. Berlin, 1988. S. 15-48.